

А.Г. МЯСНИКОВ
(Пензенский педагогический университет)

Педагогическое учение И. Канта и современная философия образования

Современная педагогическая наука в России находится в непростом положении, как и большинство гуманитарных наук, вышедших из лона марксистско-ленинской идеологии. Исторический период перехода от одной общественно-экономической формации (казарменного социализма) к другой (олигархическому капитализму) сопровождается ощущением кризиса, упадка, «непонимания будущих целей» в самих научных кругах.

Свидетельство тому мы находим в материалах III Российского философского конгресса, прошедшего в сентябре 2002 года в г. Ростове-на-Дону. С легкой руки американских специалистов по социальной педагогике в современный российский лексикон вошла новая педагогическая дисциплина «Философия образования». Именно она была широко представлена в материалах конгресса и заявила о насущных проблемах образования и воспитания подрастающих поколений.

Философия образования пытается ответить на ключевые вопросы не только педагогической теории, но и морально-практической философии, такие как: в чем цель образования? какими качествами должен обладать образованный человек? к чему мы стремимся? И, наверное, на главный вопрос: каково назначение человека? Без ясного ответа на эти вопросы не может быть построена определенная и систематическая философия образования или целостная педагогическая теория.

С сожалением приходится констатировать, что современные педагогические исследования находятся в поиске собственных мировоззренческих, философских ориентиров, подчас блуждая между конъюнктурными интересами политического «сегодня» и мировыми (общечеловеческими) ценностями то

ли западного, то ли глобализированного мира. На что же можно опереться? Где найти понятные и приемлемые представления о человеческой природе и назначении человека?

Попробуем увидеть их в выступлении президента Международного фонда образования доктора Роберта Биби на упомянутом III Российском философском конгрессе. Он утверждает: «Образование должно помочь людям осознать основные жизненные цели, которые соотносятся не только с нашими представлениями об идеальном обществе, но и с представлениями об идеальном человеке»¹. К числу таких основных целей он относит цели «духовные», «социальные» и «профессиональные». Доктор Биби коротко характеризует эти цели следующим образом: «На духовном уровне образование должно способствовать развитию сердца, которое является первоосновой нравственного развития человека. На социальном уровне через посредство образования молодые люди должны усвоить универсальные ценности и нормы поведения, чтобы стать достойными гражданами, способными создать крепкие любящие семьи и здоровое общество. На профессиональном уровне образование подразумевает передачу знаний и технических навыков подрастающему поколению, чтобы помочь юношам и девушкам стать полезными членами общества. Осуществление трех жизненных целей – это залог счастья»².

Является ли эта система ценностей новой и полностью определяющей назначение человеческой жизни? Похоже, что так. Попробуем в этом убедиться с помощью ее сравнения с педагогической теорией великого немецкого философа Иммануила Канта и соотнести ее с современной философией образования, представленной на последнем философском конгрессе.

¹ Биби Р. Образование в третьем тысячелетии // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Мат. III Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.): В 3 т. Ростов н/Д, 2002. Т. 1. С. 360.

² Там же.

Почему мы обращаемся именно к Канту? К философу, казалось бы, далекой эпохи Просвещения?

* * *

Начать можно с того, что современная философия образования провозглашает тезис об исторической ограниченности идей Просвещения и необходимости их преодоления. В связи с этим обращение к Канту вполне оправдано тем, что в позднем творчестве он подверг серьезной и основательной критике основополагающие идеи французского и немецкого Просвещения XVIII века. Так, по словам немецкого исследователя Н. Хинске, «после появления «Критики чистого разума» в январе 1781 года Кант отдалился почти от всех известных представителей немецкой философии Просвещения»³. Критическое отношение Канта к Просвещению XVIII века обнаруживает принципиальное расхождение мировоззренческих ориентиров, и, прежде всего различие в понимании человеческой природы.

Во-вторых, педагогическая теория И. Канта является неотъемлемой составной частью практической философии. Именно в ней находят прикладное применение все важнейшие моральные, правовые, политические, исторические принципы философии Канта; она является, по сути, пробным камнем всего практического учения, ибо, как говорит немецкий философ: «Человек может стать человеком только путем воспитания»⁴.

Каким должен быть человек? – Этот фундаментальный вопрос требует глубокого и обстоятельного философского обоснования, и чем серьезнее оно, тем сильнее разгорается борьба

³ Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. Freiburg, 1980. S. 34.

⁴ Кант И. О педагогике // Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 401. В дальнейшем ссылки на указанное сочинение будут даваться в скобках с указанием страницы.

за человека между разными идеологическими, политическими и другими мнениями, между разнонаправленными жизненными интересами. Попробуем же поместить в эпицентр этой борьбы практическую философию Канта.

На протяжении своей научно-педагогической деятельности Кант регулярно составлял и читал лекции по педагогике, которые были собраны и обобщены его учеником Ф.Т. Ринком в 1803 году. Кант видел в воспитании главное средство совершенствования человека с помощью пропорционального развития его природных способностей. Стремление к совершенству есть не что иное, как достижение назначения человека как родового существа. В чем заключено это назначение? – Это ключевой вопрос философии и педагогики. Философ в полной мере отвечает на него в сочинении 1798 года «Антропология с прагматической точки зрения». Он пишет: «Среди существ, живущих на Земле, человек разительно отличается от всех других природных существ своими *техническими* (связанными с сознанием, механическими) для пользования вещами, *прагматическими* (для умелого использования других людей в своих целях) и *моральными задатками* своей сущности (для действий по отношению к себе и другим по принципу свободы, подчиняясь законам), и каждая из этих трех ступеней может уже сама по себе характеризовать человека в его отличии от других обитателей Земли»⁵ (курсив мой. – А.М.). Указанные «технические», «прагматические» и «моральные» задатки при их реализации ведут к трем соответствующим формам практической деятельности: «искусности», «благоразумию» и «мудрости». Четкое различение задатков и форм человеческой практики являлось для Канта важнейшей задачей практической философии.

Технические задатки людей, по Канту, выражаются в умении, искусности воздействовать на вещи, создавать различные

⁵ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 363.

предметы (товары), пользоваться орудиями и машинами для наиболее эффективного достижения любых поставленных целей (безразличных в ценностно-моральном отношении). Не случайно мастер своего дела – профессионал – нужен при любой власти, при любом политическом режиме, тем более, если он оказывается нейтральным в политическом и моральном отношении, подобно самому его умению.

Прагматические задатки направлены не на вещи и машины, а на других людей, в сообществе которых находится конкретный человек. Эти задатки выражаются в определенном типе культуры и цивилизованности, который достигает тот или иной народ, социальная группа или конкретный индивид, и проявляются прежде всего в правилах общения. Как отмечает Н. Хинске, прагматическое поведение «основано на другом роде знания, а именно на знании людей, благодаря которому мы в состоянии управлять другими по нашему намерению»⁶. Более того, оно предназначено вести человека к собственному благополучию и счастью: с одной стороны, к удовлетворению естественных потребностей, в том числе и общении, а с другой – к тому, чтобы человек «стал умным, пригодным для человеческого общества, приятным и мог пользоваться влиянием на других» (4, с. 408).

Важной заслугой практической философии Канта стало то, что он определил счастье в качестве цели прагматического – разумного – поведения. Действительно, счастье возможно только в сообществе рассудочных, волящих индивидов, поразному оценивающих свое место и роль среди других людей, т. е. разнообразно проявляющих свои «себялюбивые» интересы и склонности. Благоразумие предназначено вывести людей «из грубого состояния насилия»⁷ и придать конкурентной борьбе волящих целеполагающих индивидов цивилизованный вид для внешнего согласия и будущего мирного сосущество-

⁶ *Hinske N.* *Op. cit.* S. 91.

⁷ *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. С. 363.

вания. Однако естественное стремление людей к собственному благополучию (счастью) видит перед собой только цель и может совершенно произвольно (или расчетливо) использовать самые разные средства для ее достижения. Ради успеха, богатства, власти и других общественно признанных благ человек может менять принципы, убеждения или же вовсе быть беспринципным, как сейчас говорят, «гибким малым», умеющим устроиться в жизни. Тут-то и возникает вопрос: является ли такой успешный, благополучный человек достойным своего счастья?

Третьим, высшим видом человеческих задатков являются моральные, находящие свое воплощение в мудрости (нравственном совершенстве). Моральные задатки направлены на формирование «умопостигаемого характера человечества»⁸, «способности действовать по принципам» (4, с. 442). Речь идет о «доброй воле» человека, признающего безусловные обязанности, не зависящие ни от обстоятельств, ни от времени, ни от конкретных средств их реализации. При этом для Канта вовсе не важно, добилась ли «добрая воля» какого-либо полезного результата или нет, ибо «полезность и бесплодность не могут ни прибавить ничего к этой ценности, ни отнять что-либо»⁹. В связи с этим отечественный философ-этик О.Г. Дробницкий очень точно указывает на то, что «нравственное действие отнюдь не всегда приводит к намереваемому или наиболее полезному результату, ибо случайные, от воли человека не зависящие обстоятельства часто существенно искажают результат его усилия. Моральная же оценка поступка имеет в виду именно эти усилия и их направленность, словом, то, что зависит от воли и действия человека, а не то, что из них фактически последовало в том или ином случае»¹⁰.

⁸ Кант И. Указ. соч. С. 365.

⁹ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках. М., 1997. Т. 3. С. 63.

¹⁰ Дробницкий О.Г. Этическая концепция Иммануэля Канта // Моральная философия: Избр. труды. М., 2002. С. 469.

Моральное поведение у Канта характеризуется простым словом «честность», в отличие от прагматической «полезности». «Добрая воля» имеет в самой себе самодостаточную цель – это нравственный долг приближаться к «высшему благу». А так как, по словам И. Канта, «человеческой способности недостаточно» для достижения «высшего блага», то моральный долг и не обещает «с несомненностью ничего»: делай свое дело, что бы из этого ни последовало¹¹. «Моральное сознание, – как отмечает Дробницкий, – совершает важную историческую работу вычленения «подлинных», «сущностных» потребностей человека и общества и противопоставляет их в качестве должного (справедливого, подобающего человеку) стихийной социальной конъюнктуре частных и особенных интересов, прагматических целей... фактически возобладавших в данный момент стремлений и т. п.»¹².

Таким образом, закон нравственности не подстраивается под какие-либо возможные (проблематичные) намерения и обстоятельства их осуществления; он «повелевает категорически и совершенно». «Моральный императив, – пишет Хинске, – вносит в действие безусловную серьезность, которой не способны достичь ни технические, ни прагматические соображения, и доставляет им непосредственную внутреннюю абсолютную ценность»¹³. Эти рассуждения выводят нас на кантовское понятие «категорического императива», принципиально отличное от различных видов гипотетических императивов (технических и прагматических).

Опираясь на представленные задатки человеческого рода, мы можем вернуться к педагогической теории И. Канта и понять ее основной принцип, который гласит: «Дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего, возможно лучшего, состояния рода человеческого, т. е. для идеи человечества и сообразно его общему назначению» (4, с. 406).

¹¹ Дробницкий О.Г. Указ. соч. С. 471.

¹² Там же. С. 472.

¹³ Hinske N. *Op. cit.* S. 110.

Этому движению к лучшему будущему препятствуют сами родители, заботящиеся обыкновенно только о том, чтобы их дети хорошо устроились в жизни, и правители, использующие своих подданных только как средства для своих целей. Эти частные интересы родителей и правителей, по Канту, препятствуют в целом утверждению «*космополитической точки зрения*» на воспитание (там же; курсив мой – А.М.). Космополитическая, т. е. общечеловеческая, точка зрения оправдывается Кантом тем, что весь род человеческий должен реализовать технические, прагматические и моральные задатки, имея перед собой идею «всеобщего блага».

С кого должно начинаться такое воспитание? С правителей или с подданных? – рассуждает философ и сам же утверждает: «Дело заключается в частной предприимчивости, а не в содействии правителей» (4, с. 406). Кант убежден, что космополитическое воспитание начинается с частного лица (учителя, педагога) и от него распространяется далее. Роль педагога сравнима с ролью Солнца, доносящего свет до самых отдаленных мест Вселенной и одновременно являющегося центром притяжения планет солнечной системы. Конечно, это может быть слишком возвышенное сравнение, но оно должно возвысить именно такого просвещенного педагога-учителя, который нацелен на всеобщее лучшее будущее человеческого рода.

В процессе воспитания Кант выделяет четыре основные цели, соответствующие развитию трех общечеловеческих задатков.

1. Развитию технических задатков способствует «дисциплинирование» ребенка и «приобщение его к культуре», сообщение навыков, умений, которые могут быть использованы для любых целей. Например, чтение, письмо, музыка и многие другие. Сейчас бы мы сказали о владении языками, компьютером, другими средствами связи и новейшими технологиями.

2. Прагматические задатки развиваются благодаря культивированию рассудочной полезности («здравого смысла»), приобщению ребенка к правилам, нормам, манерам поведения в обществе, которые позволили бы ему стать общительным, «знаю-

щим свет» и влиятельным, т. е. цивилизованным в соответствии со вкусами своей эпохи. В современном языке эти задачи соотносятся с понятием «социализации» личности, ее встраиванием в существующий социально-экономический порядок.

3. Раскрытие моральных задатков, по Канту, должно проявляться в выработке такого «образа мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели» (4, с. 409). Добрые цели таковы, что по необходимости одобряются всеми и могут быть в одно и то же время целями каждого. Моральная культура человека должна основываться на принципах, а не на дисциплине, не на внешнем принуждении, так как формирование образа мышления предполагает сознательную волевою деятельность самого ребенка, его личную убежденность в правильности или неправильности поступков. Кант говорит: «Принципы должны рождаться в самом человеке» (4, с. 441), а «способность действовать по принципам» называется характером. Воспитать характер – значит сформировать моральную личность, имеющую ясные и отчетливые суждения о добром и злом. Такое воспитание, считает философ, должно начинаться с **послушания**, с подчинения абсолютной воле руководителя, которая лишь затем познается как разумная и справедливая» (4, с. 442). Важным является для Канта «добровольное послушание», подготавливающее ребенка к принятию и исполнению законов как собственных обязанностей. Невыполнение ребенком обязанностей должно сопровождаться обязательным наказанием (физическим или нравственным). Нравственное наказание Кант считает более предпочтительным, так как оно наиболее содействует формированию нравственного образа мыслей. Например, когда ребенку «отказывают в уважении и любви» (4, с. 443).

Второй чертой характера, которую следует воспитывать, является **правдивость**. «Тот кто лжет, не имеет характера; если он и имеет в себе что-либо хорошее, то единственно благодаря своему темпераменту» (4, с. 445). Строгий приговор немецкого философа в отношении лжецов оправдан высшей целью воспитания – честностью. Если же будут возражать против этого, ссылаясь на повседневный жизненный опыт, то

здесь речь идет о правильности самой идеи воспитания, реализация которой сопровождается большими трудностями, но «все-таки, – как говорит Кант, – не невозможна. Если бы, например все лгали, разве правдивая речь была бы поэтому только пустой фантазией» (4, с. 403).

И третьей чертой характера ребенка должна быть **общительность**. «Дети должны исподволь готовиться к самому приятному в жизни удовольствию» (4, с. 446). Именно в общении с другими людьми человек может раскрыть свои задатки, направить их применение как для добрых, так и для злых дел.

Воспитание общительности ребенка должно находиться под тщательным контролем взрослых (родителей, учителей, воспитателей и др.), ибо эта черта предназначена подготовить ребенка к самостоятельной, совершеннолетней гражданской жизни в обществе.

Подводя итог кантовскому учению о воспитании, можно привести следующее определение: «Воспитывать – значит воспитывать личность, воспитывать существо, которое свободно действует, может оберегать самого себя и стать членом общества, имеет внутреннюю ценность в своих собственных глазах» (4, с. 414). В этом кантовском определении мы видим существенные качества, черты, составляющие идеал человечества, без которого не может быть ни теории, ни практики воспитания. Если же подходить к нему как к чему-то необычному, утопичному, бесполезному для сегодняшнего дня (с точки зрения здравого смысла), то можно поддаться прагматической видимости или иллюзии невозможности идеала, превратив его в лучшем случае в систему конкретных благоразумных целей. Кант понимает опасность такого заблуждения, а потому, начиная уже с «Критики чистого разума», определяет идеал как понятие о совершенстве, «еще не осуществленном на опыте»; и «не беда, если мы не в состоянии тотчас же осуществить его» (4, с. 402). Он утверждает, что идеал воспитания восхищает нас и дает энергию для собственного осуществления в силу его внутренней правильности и такого совершенства, которое практический разум всегда ищет в мире людей, но находит очень редко.

Для отдельного человека важно понять свое назначение, хотя он и не может, по Канту, полностью достичь его, но именно от его индивидуальных усилий зависит дальнейшее движение человеческого рода к совершенству.

* * *

После рассмотрения основных принципов педагогической теории И. Канта мы можем сопоставить их с современными представлениями о философии образования, масштабно заявленными в выступлениях и материалах III Российского философского конгресса. В упомянутом докладе президента Международного фонда образования доктора Биби речь идет о трех основных целях образования, ведущих к счастью: «духовного», «социального» и «профессионального» развития человека.

На первый взгляд кажется, что они вполне соответствуют кантовским трем основным задаткам человеческой природы: «моральным», «прагматическим» и «техническим», но при внимательном анализе получается нечто иное. Современные философы согласны с тем, что развитие «технических» умений и навыков является необходимым условием существования современного общества. Этот аспект образования и воспитания принимается всеми в силу самоочевидности, а потому о нем говорят очень мало. Например, как об «усвоении новых информационных технологий», как о «профессиональном аспекте», необходимым для формирования «работника», «специалиста»¹⁴.

Трудность возникает при сопоставлении «духовного аспекта» и «моральных» задатков, т. е. при сравнении главных ценностей жизни, определяющих все человеческое существо. Конечно, это не случайно. Что подразумевает современный американский педагог под «духовностью»? – «Развитие сердца», которое является первоосновой нравственного развития человека»¹⁵. Реализация этой цели в единстве с другими долж-

¹⁴ См.: Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Т. 1. Разд. «Философия образования». С. 356-418.

¹⁵ Биби Р. Указ. соч. С. 360.

на неизбежно вести к построению счастливого общества. Несомненно, это очень важная цель. Удивительным является то, что и в других материалах конгресса, относящихся к философии образования, мы находим только единичные упоминания о нравственных целях воспитания и образования, которые сводятся к следующим высказываниям: «сердце», «сверхличностные культурные ценности», «воспитание сердца и характера», «идеал мира добра», «самоценность каждого индивида»¹⁶. Этими определениями исчерпывается сфера «духовного» для 75 ученых, философов, педагогов, приславших свои тезисы на философский конгресс по проблемам философии образования.

Если сфера морального сознания подведена под «духовность» и спрессована до нескольких определений, то какие ценности интересуют абсолютное большинство ученых? Вполне естественно, что наибольший интерес проявлен к «прагматическим» – «социальным» целям, имеющим в буржуазно-демократическом мире явное превосходство над всеми другими и выражающим природное стремление людей к своему счастью (к благополучию). О каких образцах, ценностях «социального» поведения пишут участники философского конгресса?

«Толерантность», «диалогизм», «политическая благонадежность», «конструктивный конформизм», «гибкость мышления», «социализация индивида», «уважение к нормам», «приспособляемость», «критическая рефлексия», «стабильность», «безопасность», «развитие самостоятельности и самоорганизованности», «универсальные ценности и нормы поведения», «плюрализм мнений», «готовность к сотрудничеству», «диалог культур», «гармония отношений», «функционально-ролевое поведение», «стратегия выживания», «любовь – семья – здоровье», «ценность человеческой жизни»¹⁷ – этот перечень наглядно свидетельствует о современных приоритетах общественной жизни, среди которых ведущим становится «социа-

¹⁶ См.: Алексеев М.Ю., Крылов К.А. Особенности национального поведения. М., 2001. С. 12-20.

¹⁷ Алексеев М.Ю., Крылов К.А. Указ. соч.

лизация» как встраивание индивида в уже сложившуюся систему экономических, политических и правовых норм буржуазного общества. Культ устойчивого развития, неизменности форм собственности и обслуживающих их политических институтов вполне отражает естественное стремление экономических элит, государственных властей и государственных ученых – оправдать существующее положение вещей и придать ему статус неизменного закона природы. Поистине царство всеобщего благоденствия рисуется на многих страницах в качестве последней конечной цели развития мирового сообщества. И в этой масштабной картине теряется конкретный моральный человек. Где его совесть, честность, правдивость, самостоятельность в мышлении и поведении, мужество отстаивать собственное мнение? Наверное, это вопросы не к современным прагматикам, относящим справедливость к ценностям ушедших времен¹⁸. Эти вопросы должны относиться к «духовной» стороне жизни. Как ни странно, но о них почти ничего не сказали ни президент Международного фонда образования, ни отечественные ученые.

Провозглашенная «духовность» оказывается современной разновидностью натуралистической этики, имеющей своей конечной целью не моральное поведение человека, а «достижение общественного успеха, признания и благоденствия»¹⁹. В XVIII веке Кант вступил в принципиальную полемику с французскими просветителями именно по вопросу: можно ли считать натуралистическую этику действительно моральным учением?

Французские просветители (например, Гельвеций, Гольбах) превращали мораль в «пруденциально-прагматическую установку «разумного эгоизма»: чтобы удовлетворить своей интерес, стать счастливым, человек должен (вынужден) быть добродетельным»²⁰. По словам Дробницкого, натуралистическая этика во всех своих формах рассматривает мораль не

¹⁸ Алексеев М.Ю., Крылов К.А. Указ. соч.

¹⁹ Дробницкий О.Г. Указ. соч. С. 465.

²⁰ Там же.

только как «механику» (объяснение причин) человеческого поведения, но и как средство, способ достижения «себялюбивых» целей. С этой точки зрения нравственность становится рецептом житейского «благоразумия», способом достижения успеха, блаженства, спасения и душевного согласия, т. е., в конечном счете, прагматической моделью поведения. И даже современные отсылки к «сердцу», дающему нравственные импульсы, столь неопределенны и туманны, что так и слышатся за ними предвыборные лозунги типа «Голосуй сердцем». Значит, современная «духовность» есть приукрашенная, превращенная форма прагматизма, житейского благоразумия, естественно побуждающего людей к самосохранению, социальному конформистскому самоутверждению и частному благу.

Кант придавал особе значение разоблачению такого рода скрытого прагматизма естественной этики. В разделе «Гетерономия воли как источник всех неподлинных принципов нравственности» известного кантовского сочинения «Основоположение к метафизике нравов» говорится, что принцип выгоды или благоразумия «...подводит под нравственность мотивы, которые ее скорее подрывают и уничтожают всю ее возвышенность, относя к одному разряду побудительные причины к добродетели и к пороку и научая только лучше подводить баланс, специфическое же отличие того и другого совершенно стирают»²¹.

Подлинно нравственный настрой человека, по Канту, состоит в том, чтобы исполнять свой долг, не ожидая наград ни в этом, ни в ином мире, ни внешнего блага, ни внутреннего удовлетворения, безотносительно к каким-либо расчетам на «компенсацию». Истинно моральное умонастроение, отмечает Дробницкий, – это не согласие, а разлад с собой, не самоупоение, а самокритика перед неизмеримой задачей, возложенной на человека»²².

²¹ Кант И. Основоположение к метафизике нравов. С. 211.

²² Дробницкий О.Г. Указ. соч. С. 466.

Возникают вопросы: может, Кант был неправ, так строго разделяя долг и счастье? Может быть, современная философия образования пришла к возможности найти согласие между ними? Скорее всего, она пошла по пути естественных (самых доступных для всех) стремлений людей к счастью, выдавая в то же время их более изощренные формы за «духовность», в которой должна предполагаться (хотя и не обязательно) нравственность, а чаще всего предлагается религиозное повиновение.

В заключение нам остается попрощаться со старыми столь емкими понятиями честности и добросовестности, ибо в век глобализации им, видимо, уже нет места в философских теориях воспитания. Хотя решать это будет для себя каждый воспитатель, учитель, родитель самостоятельно.

В.А. ЧАЛЫЙ

(Калининградский университет)

Некоторые аспекты интерпретации «Критики чистого разума» сэром Питером Стросоном

Интерес к философии Канта, появившийся в аналитической традиции с середины 60-х гг. XX в. и выразившийся в целом ряде монографий, не был случайным. Проблемы, с которыми столкнулись аналитики на этом этапе – а это был момент кризиса программы философии «обыденного языка» – потребовали обогащения, усложнения методологического аппарата и пересмотра характерного для позитивистски ориентированного направления мысли неприятия метафизики¹. Интерес к теории познания, поиск «концептуальных схем», определяющих познавательный процесс, а также, шире, эмпирист-

¹ Подробнее об этом см., напр.: Философия Канта и современный идеализм. М.: Наука, 1987. С. 104.